

## **Сохранить обязаны** **(об архитектурных памятниках Оренбурга)**

Среди памятных мест и построек Оренбурга разных лет есть один дом, выделяющийся по важности в настоящее время. Имеется в виду материальный памятник Тарасу Григорьевичу Шевченко, который провел в нашем городе не один день или даже месяц. Это домик на углу бывшей Преображенской улицы и Канонирского переулка /сейчас ул.8-го Марта и пер.Шевченко/. Об этом месте немало сказано в работах Леонида Наумовича Большакова, память о котором мы отмечаем Шевченковским Мартом.

В этом доме Т.Г.Шевченко бывал много раз в 1847-м и в 1849 -1850 годах. Дом принадлежал коллежскому секретарю М.И.Кутину, чиновнику Оренбургской пограничной комиссии. У него снимал квартиру Федор Матвеевич Лазаревский, чиновник той же пограничной комиссии. Он и оказался первым человеком, смягчившим Тарасу изгнание, приведя его в один из первых дней к себе домой из казармы. Т.Г. Шевченко пробыл в Оренбурге до второй половины июня, вечером 22 июня он был уже в Орской крепости. Во второй раз Тарас Григорьевич жил в других местах, но к Ф.М. Лазаревскому приходил и иногда даже оставался ночевать. Обо всем этом подробно сказано в ряде публикаций, особенно у Л.Н.Большакова. Мы позволили себе повторить известные факты, чтобы доказать связь постройки с историей, поскольку состояние дома внушает серьезные опасения, да и сам дом уже давно изменил свой вид: получил пристройку с южной стороны, в 1961 г., ожидая приезда гостей, его обшили досками.

В последние годы жильцов выселили, дом полностью закрыли, сняли также тамбур, выходивший со двора на переулок. Вместо утраченной мемориальной доски поместили другую, сообщающую, что это памятник истории. Усадебное

место относится теперь, очевидно, к соседнему дому. В настоящее время хозяева дома, признанного памятником истории, свободно меняются .

В связи со всем сказанным очень важно обеспечить сохранность постройки, пусть даже в том плачевном виде, в каком она находится, а в дальнейшем подвергнуть её настоящей реставрации, обеспечив и доступность зрительного её восприятия. Причем делать это следует безотлагательно, поскольку постройка может просто исчезнуть и тогда утрата окажется безвозвратной.

Пример подобной утраты есть в самом людном месте Оренбурга. Это всем знакомый дом, некогда принадлежащий Тимашевым, по ул. Советской, 32. Теперь на его месте другой, похожий на него дом, но не без отклонений от оригинала; и даже, если всё было бы выполнено точка в точку, историзм равнялся бы нулю, ведь ни единого фрагмента от бывшего дома в этой постройке нет. Здесь, думается, можно дать некоторую информацию обо всей истории с домом, где останавливались многие видные люди, жили известные военные губернаторы, такие как П.П.Сухтелен, В.А.Перовский. Список получился бы довольно длинный. Дом этот построен был в самом конце XVIII или в первые годы XIX века, так как на каждом этаже главного фасада четное число проемов, что не допускалось правилами классицизма, который, как известно, отличался большой строгостью в исполнении объемно пространственного решения. Нижний этаж был каменным, бельэтаж и мезонин построены из отличных бревен. Решено было реставрировать и реконструировать дом, подняв его по отметке пола нижнего этажа, как кажется, до уровня тротуара или немного выше. Жильцов выселили. Затем дело затянулось, в доме появились бродяги, вскоре случился пожар, который все-таки ликвидировали.

Это пример того, как может исчезнуть памятник истории и культуры даже республиканского значения.

Другого рода примеров много. Так, постройка может сохраниться, но изменить свой вид. Этому подверглись и подвергаются прежде всего здания первого десятилетия XX века, когда в Оренбурге, с опозданием по сравнению со столицами, появился стиль модерн. Большинство этих зданий отличалось

открытой кладкой лицевым /не облицовочным!/ кирпичом, оконными проемами с мелкой расстекловкой верхней трети переплета, мягким оттенком штукатурного орнамента, текучесть которого повторялась в металлических ограждениях крыш и поручней. В 20-е годы начал исчезать металл, затем краской покрывалась кирпичная кладка, при этом исчезла и разделка швов. Смена переплетов привела к исчезновению мелкой расстекловки выпуклыми стеклами, в каждом из которых отражалось солнце. Дошло до того, что покрывать краской иногда стали и цветные изразцы. Это, правда, редкие случаи, но они есть. Исчезает даже блеск темно-синего изразца на подоконных стенках и простенках между оконными проемами. Всё это делается с добрыми намерениями, хотя в этом случае, безусловно, необходимо спрашивать разрешение у специалистов.

В 1970-е годы стала выделяться тенденция покраски зданий так называемого "кирпичного стиля", кладка которых всегда включала лицевой кирпич, также и лекальный; а известковый камень в элементах декора покрывался белой краской, получался резкий контраст, которого не было до этого вмешательства. Многие это, правда, воспринимают спокойно, как и яркие тона многих новых построек, которые, как представляется, могли бы лучше смотреться в северных краях, так как солнце там светит не так ярко.

На фоне всех этих изменений, включающих и новое строительство, начали незаметно исчезать здания или их части; происходит и перестройка, являя новое здание, ничего общего не имеющее с предыдущим.

Возникают и совершенно новые постройки, причем там, где им не место. Пример тому видим на Пушкинском бульваре: над самым склоном к реке, рядом с парадным спуском возник питейный центр, соответственно, появились и сопутствующие постройки. Таким образом, разрушен городской фасад в сторону Урала. Исчезла стройность здания бывшего 2-го кадетского корпуса /ул.Советская, 1/, если смотреть с левобережья, хотя сама постройка совершенно невредима. Появившийся в конце XIX века "Вокзал Белова" наносил меньше вреда восприятию городского фасада, так как находился в

конце бульвара. Но сделано это было правильно в связи с устройством мемориального памятника - пушки, который, к сожалению, также довольно далек от историзма, поскольку во время Гражданской войны таких орудий ещё не было. Так вводятся в заблуждение многие, ведь мемориал по замыслу должен отмечать защиту Оренбурга от войск белой армии.

На набережной есть и пример искажения вида исторического здания, связанного со многими личностями, в том числе Тарасом Григорьевичем, рисовавшим здесь жену военного губернатора В.А.Обручева. Постройка лишилась бельведера, небольшого эркера и балкона вместе с четырехпилонным портиком, на который он опирался. Так объем лишился разных добавлений, сам же остался целым. Но в антресольном этаже решили устроить оконные проемы на главном фасаде и боковых. Этим значительно исказили восприятие, не обратив никакого внимания на нарушение фриза дорического ордера /фриз - часть антаблемента, расположенная ниже карниза – В.Д./ . Триглифы фриза /триглиф - прямоугольный камень с тремя вертикальными резными желобками-В.Д./ оказались местами перебитыми. Пробивали стену, видимо, только исходя из удобства помещений, вместо того, чтобы разметить всё исходя хотя бы из ритма триглифов на фризе. Устроено это было, вероятно, когда в здании поместили общежитие мединститута. Можно отметить, что некоторые считают дом надстроенным! После упразднения генерал-губернаторства в 1881 году в здании до октябрьской революции располагалась Казенная палата, затем после 1918 года назначение этого здания много раз менялось, что и приводило к вышеназванным изменениям лицевого и западного фасадов. Упомянутое выше заблуждение о надстройке здания, которое отмечалось у вполне образованных людей, связано, очевидно, с отсутствием внимания не только к нарушению ритмики триглифов, но и к искажению некоторых из них.

Невозможно сказать теперь, что мог увидеть здесь Т.Г.Шевченко, когда приходил рисовать портрет жены военного губернатора Матильды Петровны Обручевой. Со значительной долей вероятности можно определить место, где она позировала; его, к сожалению, больше не существует. Это эркер, где было

удобно сидеть в тепле, поглядывая на улицу, как на Николаевскую, так и на набережную. Художнику же можно было выбирать любое место в зале бельэтажа, с которым был связан эркер. Предположение возможного места рисования на балконе почти отпадает, поскольку рисование здесь Тарас мог производить самое позднее до 23 апреля, когда позировать в здешних местах было бы слишком холодно. Позже Тарас Григорьевич отправился в длительную ссылку. Не случайно у нас введен праздник - Шевченковский Март.

Уместно отметить тут, что и на бывшей гауптвахте, на юго-западном углу школы № 30, куда Т.Г.Шевченко отправили перед выездом в конце апреля, место арестантской, как представляется, определено ошибочно. На это в определенной мере могло повлиять и превращение глухих окон в настоящие проемы и пр. Описание всех мест, где бывал Тарас Григорьевич или мог бывать, в задачу здесь не входит, всё это изложено в отдельной работе, выпущенной институтом Т.Г.Шевченко в 1993 году (Шевченковский Оренбург – В.Д.), которая есть в библиотеках.

Здесь же следует сказать ещё несколько слов о смене функциональных назначений построек или их частей, начиная с обширной моды на замену оконных проемов дверными для превращения квартиры в так называемый "офис", что чаще всего делается для устройства торговой точки. Примеров приводить не требуется, так как любой житель города может ежедневно встречаться с такими торговыми точками, в том числе и подвальными.

Есть, однако, и более сложные изменения. Так, в 1958 году на ул. Культурной открылся первый в Оренбуржье широкоэкранный кинотеатр "Железнодорожник". Теперь о нем почти никто, исключая живущих поблизости, и не знает. Сменил он свое назначение, потеряв сначала, вероятно, основную массу зрителей. В настоящее время в этом здании находится церковь "Новое поколение". Приход, очевидно, есть. Другой пример: в Красном городке в 1947 году завершилось строительство очень внушительного здания - Клуба Павших борцов революции. Объем постройки большой. Главный фасад решен колоннадой мощных пилонов с нишей в середине, которую завершает

скульптурная группа борцов революции, созданная видным оренбургским скульптором Г.А.Петиным. Клуб стал потом именоваться Д.К. ТРЗ. В начале 90-х годов клуб перевели на баланс управления просвещения. Теперь /это было в 2005 году/ здание закрыто, скульптурная группа отсутствует. На лицевом фасаде здания нет никакой вывески. Что-то, возможно, есть с другой стороны постройки, обходить которую довольно далеко. Остается надеяться, что зданию вернут его первоначальный вид вне зависимости от его назначения.

Примеров различных утрат, думается, достаточно. Теперь можно вернуться к бывшему дому Кутина. Дом этот мог быть построен уже в начале XIX века, так как весь квартал, вероятно, подвергся пожару 1786 года, и во второй половине последней четверти XVIII века в этой части всё оказалось пустым. На плане 1797 года кварталы эти показаны застроенными, но без выделения каких-либо единиц дворовых мест. Дома в этих кварталах были преимущественно временными, доказательством чему может здесь служить значительное количество уже разваливающихся в 1880-е годы построек, хозяевам которых В.А.Перовский приказал выдавать по 50 бревен и 50 рублей для строительства в Новой слободке. Тем же, кто может поправить свои дома или построить новые на свои средства, разрешалось оставаться в городе-крепости. Обывательские дома, как тогда именовались частные дома горожан, строились из материала, который оказывался под рукой, их хозяева не дожидались появления выдержанной древесины и пр.

В восточной части города строительство шло медленно, так как ранее здесь, во внутригородской казачьей слободе, жили казаки. Но к этому времени существовало уже предписание, запрещающее селить внутри городов-крепостей казаков и некоторые другие общности, в том числе отставных солдат. Дело это продвигалось не очень быстро, и даже в третьем десятилетии XIX века оставалось много пустых дворовых мест и целых частей кварталов, что показано на плане 1823 года<sup>1</sup>, где дан проект водопровода. Место дома Кутина

---

<sup>1</sup> Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), Ф. 418, ед. хр. 820.

на этом плане свободно. Время появления дома Кутина доподлинно неизвестно. Возможны два варианта:

- дом, как упоминалось, был построен в самом конце 18 века, поскольку на плане 1797 года<sup>2</sup> квартал показан полностью, но все постройки были из очень слабого материала;
- дом не был построен, как и многие другие, так как план давал обывательские кварталы в общих чертах, (точно, с анализом даны казенные постройки). Этого дома тогда ещё не было.

Нам кажется более вероятным второе, потому что иначе место не было бы показано пустым. То же самое ясно видно и на плане 1828 года<sup>3</sup>. На плане 1836 года<sup>4</sup> место занято и имеет №294. Когда именно в пределах этих 8 лет дом построили, сказать нельзя, более того, строительство могло лишь начинаться. Во всяком случае вряд ли оно могло начаться раньше, чем начал управлять П.П. Сухтелен, ставший военным губернатором в апреле 1830 года. Наиболее же вероятно, что строительство состоялось при военном губернаторе Василии Алексеевиче Перовском /1833 - 1842/, то есть между 1833 и 1836 годами. Таким образом, можно себе приблизительно представить возраст постройки. Дом бревенчатый, в виде временки не строился, ведь при В.А.Перовском такое в городе-крепости не допускалось. Строительный лес – сосна. Возраст дома - 170 лет, возможно, на пару лет больше. Возникает вопрос о его состоянии.

Когда увозили бревна с мезонина Тимашевского дома, которому было около 200 лет, они выглядели очень прилично. Тимашев, разумеется, мог выбирать себе лес лучшего сорта, но так или иначе сохранность зависит от ряда причин, включая гидроизоляцию, а она традиционно должна была обеспечиваться при строительстве. К сожалению, говоря о доме Кутина, следует признать, что уход за постройкой, если был вообще, особенно в последние годы тщательно не отличался, даже проветривания, вероятно, не было. Поэтому обществу надо принять все возможные меры к раскрытию постройки и её настоящей

---

<sup>2</sup> РГВИА, Ф. 849, оп. 27, ед. хр. 2481, IV.

<sup>3</sup> ГАОО, Ф. 124, оп. 2, ед. хр. 6062.

<sup>4</sup> ГАОО, Ф. 124, оп. 2, ед. хр. 6059.

реставрации. Здесь представляется возможным дать только советы самого общего характера, ни в коем случае не претендуя на обязательность их выполнения, если есть другие варианты.

Прежде всего надо обеспечить охрану, хотя бы в виде постоянного наблюдения, чтобы постройка не исчезла, как иной раз бывает. Далее следует раскрыть дом и разобрать его, если окажется много негодных бревен. Чаще всего негодными бывают нижние ряды. В данном случае необходимо сначала убрать пристроенную с южной стороны часть дома. В приблизительных размерах в метрической системе квадратная в плане постройка окажется со сторонами по 10 метров /точнее, вероятно, по 5 сажен, согласно плану 1853 года<sup>5</sup>/. В сторону переулочка выходят пять оконных проемов, а в сторону улицы - три. Могут оказаться и заложенные проемы, тогда надо попытаться определить приблизительно, когда это было сделано. Могут оказаться и бывшие дверные проемы.

По интерьеру вообще необходима довольно сложная работа, так как на начало 90-х годов там было четыре помещения, не считая узенького коридорчика, соединявшего пристрой с основной частью постройки. В старое время, особенно в домах таких размеров, тоже не «шикарлили» - всё могли разделить не только на четыре помещения, но и на пять, устраивая себе отдельную спальню. Определять разделение точнее можно, вероятно, по потолочному покрытию /наличие следов, например, гвоздей, которое обычно сохраняется лучше, чем половой настил, подверженный смене чаще, так как выдерживает не только постоянную нагрузку, но ещё и стирается от постоянных движений по нему. В любом случае, прежде чем разбирать, нужно пронумеровать бревна и доски по каждому участку с соответствующей пометкой, и начертить схему стен и переборок с проставлением на них соответствующих обозначений. Можно заметить, что в этот период нельзя допускать никакой спешки.

Что касается крыши, то до её разборки нужно измерить вынос карниза и его

---

<sup>5</sup> РГВИА, Ф. 349, оп. 27, ед. хр. 2926, № 104.



высоту. Но конструкцию крыши надо, разумеется, набросать, так же как и измерение длины стропил, чтобы потом вернуть прежнюю высоту крыши.

Дверь во двор на западной стороне выходила в тамбур, который вел затем на улицу. Последнее требует дополнительных исследований, потому что нельзя с уверенностью сказать, что городские постройки, особенно частные, имели в то время такой выход.

Проведя соответствующую подготовку, включая обеспечение деталей для замены негодных, можно соорудить макет в десятикратном или даже двадцатикратном уменьшении, поставив дом во фрагмент структуры квартала и части квартала, прилегающего с другой стороны переулка, и определить линию застройки и красную линию для того, чтобы увидеть возможность устройства защитного "чехла" для постройки /это металлический каркас с листами жести/. Необходимо, чтобы оставалось свободное пространство между стенами дома и чехла, давая возможность обойти дом хотя бы боком. Труднее всего обеспечить это со стороны улицы 8-го Марта, поскольку нельзя выдвигать сооружение за красную линию. Свободное пространство необходимо иметь минимально в 25 см. Если оно не остается, то можно допустить восстановление дома на необходимом расстоянии несколько западнее. Со стороны переулка нарушение линии застройки на несколько сантиметров вряд ли вызовет возражения (сейчас таких нарушений довольно много, причем даже в метрах). Здесь же имеется лишь чехол здания. Со стороны двора свободного пространства достаточно не только для оставления значительного промежутка между домом и чехлом, но и, если понадобится, для специальной постройки для ответственного за сохранение дома.

Здесь изложены основы одного из возможных вариантов сохранения дома, связанного с Т.Г.Шевченко. Могут быть и другие варианты, один из которых - передача дома (после обычного ремонта и снятия обшивки) для поселения желающих сохранить дом и обязующихся соблюдать в помещении максимально возможные гигиенические условия.

Сам по себе дом Кутина представляет из себя экспонат исторического

города-крепости. Обеспечить его сохранность, как и целого ряда других объектов, нужно не для нас - современников, а для будущих поколений, у которых, хочется надеяться, будет постепенно увеличиваться интерес и уважение к прошлому. Заняться этим экспонатом в качестве инициатора работ мог бы общественный институт Тараса Шевченко.